
Е. Г. ВОДОЛАЗКИН

ИЗ ИСТОРИИ ДРЕВНЕРУССКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ПОВЕСТВОВАНИЯ. КРАТКАЯ ХРОНОГРАФИЧЕСКАЯ ПАЛЕЯ

Одним из важнейших текстов ранней русской хронографии является *Краткая Хронографическая Палея* (далее — *КП*) — памятник настолько же интересный, насколько и обойденный исследовательским вниманием. В настоящее время мной ведется работа над критическим изданием этого текста.¹ Некоторым предварительным итогам изучения *КП* и посвящена настоящая статья.

Подобно большинству памятников средневековой историографии, *КП* — произведение компилятивное и представляет характерную для средневековья «историю ножиц и клея». Двумя самыми значительными ее источниками явились *Толковая Палея* и гипотетический *Хронограф по Великому Изложению*.² Если из *Толковой Палеи* — сочинения экзегетического — при создании интересующего нас текста были изъяты толкования, то фрагменты *Хронографа по Великому Изложению* — произведения историографического — вошли в него почти без изменений. Благодаря умелой работе создателя Палеи из ряда разножанровых сочинений был создан единый по принципам организации и стилю текст, что для средневековья вовсе не было явлением само собой разумеющимся.

Дело в том, что древнерусские хронографические компиляции ни в коем случае не являлись лишь справочниками по всемирной истории (так же, скажем, как задачи произведений натурфилософского характера простирались гораздо шире, чем просто распространение естественнонаучных знаний). Даже произведения, посвященные «узкой» по средневековым меркам теме, касались в конечном счете проблем богословских. В силу присущего средневековой письменности синкретизма одно

---

¹ Первый выпуск см.: *Водолазкин Е. Г.* Краткая Хронографическая Палея (Текст). Вып. 1 // ТОДРЛ. СПб., 2006. Т. 57. С. 891—915.

² Путем сопоставления ряда позднейших текстов этот хронограф восстанавливается с большой степенью надежности. Об этом см.: *Истрин В. М.* Редакции Толковой Палеи. СПб., 1907. С. 165; *Творогов О. В.* Древнерусские хронографы. Л., 1975. С. 54.

и то же произведение порой можно рассматривать как историографическое, богословское и естественнонаучное одновременно (как, например, в случае уже упоминавшейся *Толковой Палеи*). В этих условиях единый стиль произведения заботил компилятора гораздо меньше, чем возможность привести по тому или иному вопросу максимальное количество источников, принадлежавших зачастую к самым разным жанрам. В области исторического повествования это приводило к тому, что даже выдающиеся памятники древнерусской хронографии (такие, как *Летопись Еллинский и Римский* Второй редакции) при всех своих энциклопедических достоинствах не отличались соразмерностью статей. На этом фоне положение *КП* — особое. В ней очевиден принцип более или менее пропорционального изложения материала без обширных богословских экскурсов или вставных повествований.³

Заглавие *Краткая Хронографическая Палея* является не самоназванием памятника, а научным обозначением, противопоставляющим его другому хронографу — *Полной Хронографической Палее*. В рукописях рассматриваемый текст озаглавлен как «Слово от Палеи», что отражает его связь с одним из важнейших источников — *Толковой Палеей*.⁴ Открывается *КП* описанием сотворения мира и доводит свое повествование до царствования византийского императора Романа Лакапина (X в.). То, что точка в *КП* (как и в ряде других хронографов) поставлена на этом периоде, не случайно: именно здесь завершается изложение *Хроники* Георгия Амартола, составившей костяк большинства русских хронографов. Как объем заимствований, так и границы повествования в средневековье во многом обуславливались степенью доступности источников. За исключением отрывочных сведений о крестовых походах и списка правивших в Византии императоров, X век остался пределом повествования русских хронографов даже в XV в.: византийских сочинений по истории менее отдаленной не переводили, продолжать же хронографы собственной историей по ряду причин возможным не считали.⁵

Яркой особенностью *КП* являются хронологические расчеты. Из всех памятников ранней русской хронографии *КП*, несомненно, обнаруживает самый большой интерес к вопросам времяисчисления. Вместе с тем ее хронологические расчеты совершенно не укладываются в рамки «технической хронологии», сопровождающей исторические исследования. Строго говоря, и само время как таковое виделось древнерусскому книжнику не более чем вынужденной заменой райской вневременности, оно было родом проклятия, трагическим шагом назад в сравнении с первоначальным состоянием мира. Можно предположить, что если бы в

---

³ О том, что объем включаемых произведений компиляторов никоим образом не смущал, красноречиво свидетельствует тот факт, что в повествование об Александре Македонском ряд хронографов включает переводной текст *Александрис* Псевдо-Каллисфена.

⁴ Следует заметить, что заглавия средневековых текстов зачастую указывают не столько на предмет повествования, сколько на его источники. Само же слово «Палея» восходит к греческому *παλαία* — старая.

⁵ Об этом см.: *Водлазкин Е. Г.* Всемирная история в литературе Древней Руси (на материале хронографического и палеино повествования). Мюнхен, 2000. С. 37—58.

средние века существовало понятие прогресса, то мыслилось бы оно ретроспективно: не как движение вперед, а как возвращение назад.

Негативные тенденции в развитии человечества выражались, по мысли древних историографов, и в уменьшении количества лет жизни людей в сравнении с праотцами. При таком взгляде на вещи особое значение приобретает дехронологизация как чудесная возможность избежать смерти и преодолеть проклятие временем. Вслед за книгой Бытия *Палея* сообщает о том, что Енох и Илия берутся на небо живыми: «Въ лѣто 1372. Живе Енохъ, шурь Сифовъ, всѣхъ лѣтъ 365, и съхранень бысть Богомъ на обличение Антихриста индикта 2, солнечнаго 2 вис<окоснаго>, луна 8».⁶ К приведенному фрагменту остается лишь добавить, что 365 прожитых Енохом лет соотносятся с количеством полных дней годового цикла и являются, таким образом, замкнувшимся кругом, т. е. символом вечности (вневременности).

Как известно, хронографии присущи свои способы фиксации времени, так называемые *относительные* датировки, указывающие время событий путем привязки их к годам правлений, природным катаклизмам и т. д. Это древнейший способ датировки, взятый в свое время на вооружение византийским императором Юстинианом, предписавшим в своей 47-й новелле датировать события по году царствования императора. Из византийских хроник этот способ датировки попал в русские хронографы. Летописи же, напротив, им не воспользовались, и это понятно: в первые века существования древнерусской письменности на Руси не было единодержавного правления. Летописание прибегло к использованию *абсолютных* датировок, т. е. датировок относительно одного и того же события, в данном случае — сотворения мира.

Судьба древнерусского исторического повествования складывалась так, что на определенном этапе своего развития хронография также начала пользоваться абсолютными датировками. Как было установлено в ходе проведенного ранее исследования, первые абсолютные даты были рассчитаны в архетипе Третьей редакции *Хронографа по Великому Изложению*, и относились они к отрезку истории от Калигулы до Веспасиана.⁷ В дальнейшем памятники, восходившие к этому архетипу, продолжили расчеты самостоятельно. Дальше всех других текстов пошла в этих расчетах *КП*. За небольшими исключениями, ею были рассчитаны абсолютные даты важнейших событий всемирной истории. В этих расчетах много ошибок, но именно эти ошибки свидетельствуют о том, что расчеты производились при составлении самого памятника, а не были заимствованы им в готовом виде из его источников, как это нередко случалось в средневековье. Дело в том, что большинство ошибок в расчетах *КП* объясняется особенностями данных тех текстов, которые послужили ее источниками. Можно также предположить, что расчеты эти были сделаны составителем *КП* еще до создания текста памятника, а не по ме-

⁶ Цит. по рукописи: РО БАН, № 24.5.8, л. 12.

⁷ См.: *Водолазкин Е. Г.* Всемирная история в литературе Древней Руси... С. 138—153.

ре его составления. Об этом говорят несколько сбоев в соотношении дат с событиями.

КП приводит также хронологические выкладки, в которых указано количество лет между различными событиями священной истории: 2242 года от Адама до потопа, 2771 год от Адама до возведения Вавилонской башни, 1082 года от потопа до Авраама и т. д. Средневековые дорожило единством истории, и подобные выкладки лет были своего рода скрепами, устанавливавшими не только хронологическую, но и мистическую связь событий. За этим стояла также определенная богословская традиция, рассматривавшая священную историю не в качестве чего-то отдельного от «просто истории», а как составную часть последней, выделенную посредством указания свыше и обладающую своим континуитетом.⁸ Стоит отметить, что ни хроники, ни хронографы не ограничивали свое повествование описанием лишь сакральных событий. Расставляя акценты и, несомненно, выстраивая иерархию событий, их создатели позволяли себе одновременно и пассажи, которые современным языком можно было бы охарактеризовать как светскую хронику.

Материал для расчета лет между событиями священной истории в основном давало сочинение константинопольского патриарха Никифора Хроноуоурафикὸν σὺντομοῦν — одна из византийских «малых хроник», предлагавших краткий свод «цифр и фактов» всемирной истории. Этот текст стал доступен *КП* посредством *Толковой Палеи*. Анализ его показал, что он представляет не распространенный на Руси перевод редакции N, а перевод редакции N' (обозначения издавшего памятник К. де Боора).⁹ Факт существования на Руси еще одного перевода сочинения Никифора лишний раз подтверждает, что интерес славянских книжников к истории был весьма значительным.

Но указанными расчетами *КП* не ограничилась. Для большинства описываемых событий она рассчитала и так называемые дополнительные элементы времяисчисления — индикты, вруцелета и круги луны. Напомню вкратце, что индикт — это византийский способ фиксации времени, который состоит в указании номера года внутри 15-летнего цикла. Вруцелето же («ручная пасхалия») указывает воскресные дни того или иного года, что, наряду с определением круга луны в 19-летнем цикле, является необходимым элементом пасхальных вычислений. Последнее обстоятельство представляет датировки *КП* в особом свете.

В средневековые пасхалист шел рука об руку с историком, нередко же они соединялись в одном лице. Так, пытаясь в свое время согласовать имеющиеся у него датировки с пасхальным циклом, александрийский монах Анниан отнес время рождения Христа к периоду, когда Ирод уже был мертв. Временем же распятия у него стал 42 год, — несмотря на то что Тиберия, в чье царствование распятие состоялось, уже пять лет как не было в живых. Гармония с пасхалией по сравнению с ис-

⁸ Суть такого подхода к богословскому осмыслению истории удачно формулирует К. Ранер. См.: *Rahner K. Weltgeschichte und Heilsgeschichte // Schriften zur Theologie. Zürich; Köln, 1962. Bd 5. S. 115.*

⁹ См.: *Водолазкин Е. Г. Всемирная история в литературе Древней Руси... С. 133—138.*

торическими свидетельствами была в глазах хрониста истиной более высокого порядка. О близости пасхалистики и историографии свидетельствует и то обстоятельство, что именно из пасхальных таблиц Дионисия Малого английский хронист и агиограф Беда Достопочтенный заимствовал систему датировок от Рождества Христова. Возможно, что и погодный принцип русского летописания также восходит к пасхалии.

Как уже отмечалось, интересы создателя *KП* лежали вне области технической (или исторической) хронологии как таковой. *KП* — это взгляд на всемирную историю с точки зрения ее возможного скорого окончания. Ее расчеты — это попытка проанализировать доступные хронологические данные для того, вероятно, чтобы эсхатологическая перспектива обрела более четкие контуры. Собственно говоря, в таком подходе хрониста к материалу не было ничего нового. Напомню, что Юлий Африкан, стоявший у истоков христианской хронистики, писал свою хроникку с целью успокоить тех, кто ждал скорого конца света.

Создатель *KП* о близком конце света не упоминает. Вместе с тем за безмолвным комбинированием чужих текстов (в ранний период создание хронографов сводилось исключительно к компиляции) в *KП* отмечаются явления, которых нет в других древнерусских хронографах. Так, помимо датировок в пасхалистической системе, имеющих богословский, а не исторический смысл, в *KП* мы находим три указания на наступившие *тысячелетия* как отдельную позицию. Более того, эти указания сопровождаются все теми же пасхалистическими расчетами. За этими датировками не-событий (или, наоборот, датами, ставшими событиями) можно видеть следы хилиазма, русской хронографии, вообще говоря, не свойственного. Хилиастические воззрения на всемирную историю базировались, как известно, на тексте псалма, гласившего, что пред очами Господа «тысяча лет, как день вчерашний, когда он прошел» (Пс. 89:5). Первоначально с тысячелетиями сопоставлялись шесть дней творения, впоследствии к ним добавился седьмой день (день отдыха). В этой связи опять-таки напрашивается параллель с Африканом, отводившим истории человечества от ее начала до окончания шесть тысяч лет. В Африкановой системе библейский Фалек, чье имя толковалось как «деление», оказывался ровно посередине отведенного человечеству хронологического отрезка. Интересно, что в *KП* сообщение о третьем тысячелетии следует как раз за упоминанием о Фалеке, и в дальнейшем тысячелетия не упоминаются. Не потому ли, что древнерусский книжник обратил внимание на то, что, поскольку сам он признает семитысячелетний возраст мира, Фалек не будет делить этот период пополам? Как бы то ни было, следует полагать, что в лице создателя *KП* хронографическое повествование в определенной степени возвращалось к своей первоначальной задаче.

Таким образом, беспрецедентная для ранней русской хронографии активность *KП* в хронологических подсчетах, а главное — сам характер этих подсчетов позволяют рассматривать создание этого памятника в ряду текстов, отразивших ожидание конца света в XV в. Как известно,

подобные тексты начали создаваться задолго до 1492 г.¹⁰ Здесь есть повод перейти к проблеме датировки *КП* — одной из самых сложных проблем в области хронографии. В отличие от летописи, где часть хронологических данных являлась современной составителю свода, время хронографа было для его создателя плюсквамперфектом. Хронологические данные хронографов, за редкими исключениями, не дают материала для датировки этих памятников. Потому хронографы датируются, как правило, по косвенным признакам, а потому — весьма приблизительно.

Что касается *КП*, то с уверенностью можно указать лишь верхнюю временную границу ее создания. Это 40-е гг. XV в. — так в результате палеографического исследования датировал самый ее ранний список М. А. Шибаев.¹¹ Вместе с тем, нет оснований и существенно выводить время создания памятника за нижний предел XV в., отдавая его тем самым от семитысячного года от сотворения мира, когда ожидался конец света. Косвенным подтверждением этому являются и читающиеся в *КП* арабские обозначения планет. Помимо *КП* такие же арабизмы обнаружены только в статье *Златоуста* на понедельник четвертой недели Великого поста. Статья эта русского происхождения, и появление ее (в ряду других текстов для будних дней) в *Златоусте* относится также к XV в.¹²

С вопросом о времени создания *КП* тесно связан вопрос о месте ее создания. Для его решения обратимся к рукописной традиции памятника, известного на сегодняшний день в шести списках. В результате проведенного текстологического анализа мной были выделены две основные редакции памятника, независимо друг от друга восходящие к архетипу.¹³ Редакции не заключают в себе так называемой идеологической правки, и их выделение имеет чисто генеалогический смысл. Древнейшим является список собрания М. П. Погодина Российской национальной библиотеки, № 1434 (40-е гг. XV в.).¹⁴ Этот список содержит самые исправные чтения, и, таким образом, именно он наиболее близок к не дошедшему до нас архетипу *КП*. Существенной чертой списков *КП* является наличие в них новгородизмов, характеризующихся прежде всего неразличением *ѣ* и *и*, а также цоканьем: Александрѣя, видивь, въскриця, вымицяти, затоцѣ (вм. заточи), кузницъ, Мѣдья, негнѣюща, Палестѣнь,

¹⁰ См., например: Турилов А. А. О датировке и месте создания календарно-математических текстов-«семитысячников» // Естественнаучные представления Древней Руси. М., 1988. С. 33.

¹¹ Об этом и других списках *Палеи* см.: Шибаев М. А. Кодикологическое описание петербургских списков Краткой Хронографической Палеи // ТОДРЛ. СПб., 2004. Т. 56. С. 146—163.

¹² См.: Творогов О. В., Черторицкая Т. В. Златоуст // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1988. Вып. 2, ч. 1. С. 359.

¹³ Подробнее см.: Водолазкин Е. Г. Редакции Краткой Хронографической Палеи // ТОДРЛ. СПб., 2004. Т. 56. С. 164—180.

¹⁴ Помимо этого, *КП* содержится в следующих рукописях: БАН, № 24.5.8 (70-е гг. XV в.), РНБ, собр. М. П. Погодина, № 1436 (1590 г.), РГБ, собр. С. О. Долгова, № 1 (кон. XV—нач. XVI в.), РГБ, собр. Иосифо-Волоколамского монастыря, № 551 (сер. XVI в.) и РНБ, F.IV.603 (интересующая нас часть переписана полууставом XVII в.).

Персѣды, ршѣ, цѣну (вм. чину) и т. д. И хотя в ряде случаев новгородские черты в списках разных редакций *КП* демонстрируют несовпадающие слова, существует группа новгородизмов, общих для ранних списков обеих редакций (в поздних списках новгородизмы подверглись правке). Это говорит о том, что новгородизмы входили в архетипный текст памятника, и свидетельствует в пользу новгородского — или, по крайней мере, северо-западного — происхождения *КП*.

В пользу Новгородца как места создания памятника свидетельствует и кодикологический анализ его списков. М. А. Шибаевым было установлено, что филигрань и почерк древнейшего списка *КП* (РНБ, собр. М. П. Погодина, № 1434) совпадает с филигранью и почерком части Комиссионного списка Новгородской первой летописи, датирующегося серединой XV в. Ряд фактов позволил исследователю назвать даже конкретное место, где указанный список предположительно мог быть создан: это новгородский Вяжицкий монастырь.¹⁵ Если же исходить из того, что текст древнейшего списка *КП* лучше всего отражает архетип памятника, можно высказать осторожное предположение, что и сама *КП* создавалась в Вяжицком монастыре.

Подтверждением выводов о новгородском происхождении *КП* является, несомненно, и историко-культурная ситуация, сложившаяся в Новгороде к XV в. Вряд ли будет преувеличением сказать, что Новгород, и прежде игравший особую роль в развитии древнерусской культуры, в конце XIV—начале XV в. становится важнейшим культурным центром Древней Руси. Расцвет новгородской культуры проявился в самых разных жанрах, но в первую очередь — в историческом повествовании. Говоря о ярко выраженном интересе новгородцев к истории, следует иметь в виду не только летописание (что в медиевистике стало уже общим местом), но и хронографию. Есть основания полагать, что именно в этот период в Новгороде создается *Летописец Еллинский и Римский* Второй редакции, названный Д. С. Лихачевым «самой крупной литературной энциклопедией средневековья».¹⁶ Особо стоит отметить появившиеся в *Летописце* абсолютные даты, отличающие его от более ранних памятников древнерусской хронографии и одновременно сближающие с *КП*. Вспомним также и о том, что в XV в. Новгород становится местом самого бурного обсуждения вопросов, связанных с ожидавшимся концом света.

И последнее. В самое недавнее время был обнаружен черновик *Полной Хронографической Палеи* (далее — *ПП*) — одного из важнейших для древнерусской хронографии (и в не меньшей степени — экзегезы) текстов.¹⁷ Рукопись Барсовского собрания ГИМ, № 619 — а именно она

¹⁵ Шибаев М. А. Кодикологическое описание... С. 146—150.

¹⁶ Лихачев Д. С. Еллинский летописец второго вида и правительственные круги Москвы конца XV в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1948. Т. 6. С. 100.

¹⁷ См.: *Vodolazkin E. G. Zu einer Rohfassung der Polnaja Chronograficeskaja Paleja und zum Verhältnis zwischen den verschiedenen Paleja-Redaktionen // The Old Testament Pseudepigrapha in Slavonic Tradition / Ed.: Christfried Böttrich, Lorenzo di Tommaso. Tübingen, 2007 (в печати).*

в результате исследования идентифицирована мной как черновик *III* — позволяет не только выстроить достоверную историю взаимоотношения палейных текстов (речь здесь идет в первую очередь о взаимоотношениях между *III* и *Толковой Палеей*). Содержащиеся в барсовской рукописи данные позволяют сделать и выводы, значимые для истории русской хронографии.

Дело в том, что барсовская рукопись несет в себе бесспорно новгородские черты. Если учесть, что изготовлена она была, по всей вероятности, в первой четверти XV в., можно предположить, что создание *KП* и *III* разделяет не более (а вполне возможно, что и менее) трех десятилетий. Но этим сходство обоих памятников не ограничивается. Как известно, начальная часть *KП* является сокращением *Толковой Палеи*. Начальная часть *III* представляет ту же *Толковую Палею*, но только в несокращенном виде. В свое время В. М. Истриным было установлено, что в основу *III* был положен список *Толковой Палеи*, близкий по типу к списку РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № 68/1145.¹⁸ Мое исследование *KП* показало, что, сокращая текст *Толковой Палеи*, создатель *KП* имел под руками также список кирилло-белозерского типа. В хронографической части *KП* и *III*, где использован текст *Хронографа по Великому Изложению*, мы сталкиваемся с еще большей близостью источников: начиная с царствования Кира тексты *KП* и *III* становятся почти идентичными.

Приведенные факты позволяют допустить, что *KП* и *III* были созданы одним и тем же кругом новгородских книжников. Вполне вероятно, что первым опытом соединения палейного текста с хронографическим была *III*, текст обширный, но в жанровом отношении весьма неоднородный и распадающийся на экзегетическую и историографическую части. Искусственность присоединения одной части к другой могла быть причиной неудовлетворенности результатом этой работы и послужить толчком к созданию нового, жанрово однородного (и в этом смысле предвосхитившего следующий этап развития древнерусской хронографии) произведения — *KП*.

В дополнение к рассматривавшимся текстам следует упомянуть и *Пророчество Соломона*.¹⁹ В свое время мной было высказано предположение, что этот памятник является попыткой продолжить *Толковую Палею*, обрывающую повествование на царствовании Соломона.²⁰ В отличие от *III*, представляющей жанрово иное продолжение *Толковой Палеи*, *Пророчество Соломона* выдержано в строго экзегетическом духе (при этом оно также содержит хронографические фрагменты). Памятник датируется XIII в., хотя не исключается также и более поздняя датировка.²¹ В данном случае для нас важно, что произведение это было соз-

¹⁸ Истрин В. М. Редакции Толковой Палеи. С. 171.

¹⁹ Издание текста памятника см.: Водозакин Е. Г., Руди Т. Р. Из истории древнерусской экзегезы («Пророчество Соломона») // ТОДРЛ. СПб., 2003. Т. 54. С. 252—303.

²⁰ Водозакин Е. Г. Всемирная история в литературе Древней Руси... С. 243—246.

²¹ См.: Водозакин Е. Г. Об улыбках и котях (по поводу книги А. Пересветова-Мората *A Grin without a Cat*) // Русская литература. 2004. № 4. С. 201—202.

дано также в Новгороде. Это свидетельствует о долговременном устойчивом интересе новгородских книжников к палеоно-хронографическим темам и обращении их к одному и тому же репертуару источников.

Подведу краткие итоги. Предположительно в первой половине XV в. в Новгороде создается *КП*, всемирно-историческая компиляция, основанная по преимуществу на двух источниках — *Толковой Палее* и *Хронографе по Великому Изложению*. Есть основания полагать, что *КП* создавалась тем же кругом книжников, что немногим ранее составил *ИП*. Используя современную терминологию, можно было бы сказать, что *КП* располагалась на границе историографии и богословия, причем граница эта в средневековье была весьма условной. В отличие от предшествующих памятников хронографического жанра, *КП* обнаруживает особый интерес к хронологическим подсчетам. Особенности этих подсчетов позволяют предположить, что создание памятника не в последнюю очередь было связано с ожиданием конца света в 1492 г. Древнейший список *КП* (РНБ, собр. М. П. Погодина, № 1434) относится к 40-м гг. XV в. Текстологический анализ показывает, что именно этот список наилучшим образом отражает первоначальный текст памятника. Древность списка из собр. М. П. Погодина и его текстологические характеристики позволили положить его в основу предпринимаемого мной критического издания *КП*. Хочется надеяться, что научная публикация одного из интереснейших памятников древнерусского исторического повествования даст новый материал для исследования как литературы средневекового Новгорода, так и древнерусской культуры в целом.